

© 2022. Ольга Богданова

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия*

Русская усадьба в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»

© 2022. Olga A. Bogdanova

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

Russian Estate in Dostoevsky's Novel Crime and Punishment

Информация об авторе: Ольга Алимовна Богданова, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Отдел русской литературы конца XIX – начала XX века, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25а, 121069 г. Москва, Россия.

<https://orcid.org/0000-0001-7004-498X>

E-mail: olgabogda@yandex.ru

Аннотация: В статье впервые в науке о Достоевском анализируется в контексте общей проблематики произведения изображение русской сельской помещичьей усадьбы в романе «Преступление и наказание», с акцентом на сюжетно-композиционные и семан- тико- семиотические аспекты. Предварительно выясняется выдающаяся роль сельской усадьбы как идеала жизнеустройства в биографии писателя начиная с детских лет (Даро- вое) и до конца жизни (тяжба о рязанском имении по «делу о куманинском наследстве»). По разбросанным в тексте романа деталям реконструируется облик усадьбы помещиков Свидригайловых, устройство их быта, характеры и образ жизни обоих супругов. Рас- смотрена семантика их имен: Аркадий и Марфа. Показано, что повторяющееся в трех произведениях писателя («Слабое сердце», «Преступление и наказание», «Подросток») имя Аркадий актуализирует идиллический топос Аркадии из античной мифологии, с которым традиционно ассоциировалась русская помещичья усадьба. Однако разрушение «усадебной культуры» в годы либеральных реформ (1860-е) усиливает социально-кри- тический пафос в репрезентации «усадебного топоса» в русской литературе, что заметно и в «Преступлении и наказании». Особенность «усадебного текста» Достоевского на фоне И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, Н.А. Некрасова, Л.Н. Толстого и др. – в придании ему онтологического измерения. С одной стороны, усадьба Свидригайловых – языческий топ- ос, место удовлетворения гедонистических потребностей своих хозяев, с другой – локус

духовного возрастания Марфы Петровны в покаянии, молитве и посмертном сближении с новозаветной Марфой, сестрой воскрешенного Христом Лазаря. В свою очередь, Аркадий Иванович, будучи от природы неплохим человеком, погибает без помощи отвергаемого им Христа от захватившей его блудной страсти. Концепция усадьбы как языческого топоса, воплощенная Достоевским в «Преступлении и наказании», была осознана и подхвачена в Серебряном веке Н.А. Бердяевым, Г.И. Чулковым, А.Н. Толстым, Н.С. Гумилевым и др.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «Преступление и наказание», русская усадьба, «усадебный текст», «усадебный габитус», Аркадия, онтологическое измерение, языческий топос, рецепция в Серебряном веке.

Для цитирования: Богданова О.А. Русская усадьба в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 4 (20). С. 136–162. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-4-136-162>

Information about the author: Olga A. Bogdanova, DSc in Philology, Leading Researcher, Department of Russian Literature of the Late 19th – Early 20th Centuries, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

<https://orcid.org/0000-0001-7004-498X>

E-mail: olgabogda@yandex.ru

Abstract: The article analyzes for the first time in the history of research on Dostoevsky the image of the Russian rural estate in the novel *Crime and Punishment*, in the context of the whole problematic of the book, with an emphasis on plot-compositional and semantic-semiotic aspects. The author previously clarifies the outstanding role of the rural estate as an ideal of life-settlement in the writer's biography from childhood (Darovoye) to the end of life (the lawsuit about the Ryazan estate in the "case of the Kumanin inheritance"). The appearance of the estate of the Svidrigailovs, the structure of their life, the characters and lifestyle of both spouses are reconstructed according to the details scattered in the text of the novel. The semantics of their names is considered: Arkady and Marfa. It is shown that the name Arkady, used by Dostoevsky in three different works ("A Weak Heart", *Crime and Punishment*, *The Adolescent*) actualizes the idyllic topos of Arcadia from ancient mythology, with which Russian landowner's estate was traditionally associated. However, the destruction of the "culture of the estates" during the years of liberal reforms (the 1860s) strengthens the socio-critical pathos in the representation of the "estate topos" in Russian literature, which is noticeable in *Crime and Punishment*. The peculiarity of Dostoevsky's "estate text" in contrast with I.S. Turgenev, I.A. Goncharov, N.A. Nekrasov, L.N. Tolstoy, etc. is that it is given an ontological dimension. On one hand, the Svidrigailov estate is a pagan topos, a place to satisfy the hedonistic needs of its owners, on the other, it is the locus of Marfa Petrovna's spiritual growth in repentance, prayer, and posthumous convergence with the New Testament Martha, the sister of Lazarus, resurrected by Christ. In turn, Arkady Ivanovich, being by nature a good person, without the help of Christ he rejected, perishes because of the lustful passion that seized him. The concept of the estate as a pagan topos, embodied by Dostoevsky in *Crime and Punishment*, was understood and continued in the Silver Age by N.A. Berdyaev, G.I. Chulkov, A.N. Tolstoy, N.S. Gumilev, etc.

Keywords: Dostoevsky, *Crime and Punishment*, Russian estate, "estate text", "estate habitus", Arcadia, ontological dimension, pagan topos, reception in the Silver Age.

For citation: Bogdanova, O.A. "Russian Estate in Dostoevsky's Novel *Crime and Punishment*." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 4 (20), 2022, pp. 136–162. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-4-136-162>

Традиционно Достоевский считался сугубо городским, преимущественно петербургским писателем. Впервые о нем как об одном из создателей «усадебного текста» русской литературы исследователи заговорили только в начале XXI века. Однако до сих пор подобные работы можно пересчитать по пальцам, см.: [Макаричева, 2008; Богданова, 2010; Сафронова, 2018; Богданова, 2019; Сафронова, 2019; Сафронова, 2020; Богданова, 2021; Богданова, 2022]. Тем не менее в романистике писателя «усадебный топос» появляется довольно часто, хотя первенствующую роль играет, пожалуй, только в одном произведении – романе «Село Степанчиково и его обитатели» (1859). И в «Бедных людях» (1846), и в «Униженных и оскорбленных» (1860), и в «Преступлении и наказании» (1866), и в «Идиоте» (1868), и в «Бесах» (1872), и в «Подростке» (1875) усадьба неизменно присутствует как значимый семантико-семиотический феномен и важный аспект художественного пространства.

Если же обратиться к биографии Достоевского, то в ней бросается в глаза яркая усадебная страница – летние месяцы 1832–1836 годов в небольшом родительском поместье Даровое недалеко от древнего Зарайска, приписанного в то время к Рязанской губернии. Сами обстоятельства детства писателя и отражение полученных им в Даровом впечатлений в творчестве достаточно давно привлекли внимание достоевсковедов, см.: [Гроссман, 1925; Нечаева, 1926; Нечаева, 1939; Федоров, 1981; Федоров, 1988; Федоров, 2004, с. 154–193; Волгин, 1991, с. 250–261; Бирюкова, 2013; и др.]. Особо стоит отметить активизировавшиеся с начала XXI века разыскания участников научного сообщества «Заповедное Даровое» под руководством В.А. Викторovichа, см.: [Викторovich, 2013; Викторovich, 2019; Викторovich, 2021; Бессонова, 2019; Бессонова, 2021; Прохоров, 2016; Дементьева, 2019; Дементьева, Воронкина, 2020; и др.]. Важным этапом их научной деятельности стала недавно вышедшая коллективная монография под редакцией А.С. Бессоновой, см.: [Даровое Достоевского, 2021]. Это междисциплинарное исследование преимущественно биографического и краеведческого характера, позволяющее «реконструировать жизнь в усадьбе Даровое максимально объёмно» [Даровое Достоевского, 2021, с. 495], в частности выяснить размеры имения, его имущественный статус, состав жителей, архитектурный облик усадьбы, взаимоотношения с соседями-помещиками, характер ландшафта при Достоевском, обстоятельства религиозной жизни его родительской семьи и проч. Хотя авторы входящих в коллективную

монографию глав нередко проецируют добытые сведения на те или иные художественные детали в произведениях писателя, тем не менее комплексное исследование «усадебного топоса» в его творчестве в их задачу не входит. Так, в главе «Путешествие в Даровое. Семья и усадьба в жизни и творчестве Достоевского» В.А. Викторovich прослеживает развитие детских усадебных впечатлений писателя в магистральные темы и приемы его произведений: «генерализаци[ю] мелочей через воскресительную силу памяти»; контрастность хронотопов, восходящую к ландшафту Дарового; «волнующий в своей “вертикали” пространственный образ России»; «мысль семейную» и «жгучий материнский мотив»; представление о русском народе, см.: [Даровое Достоевского, 2021, с. 428, 429, 434, 435, 447, 454–455]. В «Заключении» к книге А.С. Бессонова выдвигает абсолютно бесспорный, на наш взгляд, тезис: «В мысли о том, что без Дарового <...> не было бы того Достоевского, которого знает весь мир, нет никакого преувеличения» [Даровое Достоевского, 2021, с. 501]. Однако анализа целостного образа усадьбы в творчестве Достоевского и его эволюции мы в этой монографии не найдем.

Практически одновременно появилось еще одно монографическое исследование биографического характера, где тема усадьбы также выдвинулась на первый план, см.: [Борисова, Шаулов, Юхнович, 2021]. В отличие от книги о Даровом, оно посвящено последним десятилетиям жизни Достоевского и рассматривает, казалось бы, далекое от усадебной тематики «дело о куманинском наследстве», которое не давало покоя писателю в течение всей второй половины его жизни, начиная со смерти его богатого дяди А.А. Куманина в 1863 году и особенно — родной тетки по матери А.Ф. Куманиной в 1871 году. Все 1870-е годы, отмеченные высочайшим творческим напряжением (создавались «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы», «Дневник писателя» и проч.), были омрачены для Достоевского неприятными хлопотами, судами, выяснением отношений с другими наследниками по пресловутому «куманинскому делу». Примечательно, что одной из важных его страниц являлась тяжба о рязанском имении А.Ф. Куманиной, владение которым оспаривалось другими претендентами. «В августе 1879 г. А.Г. Достоевская, как и муж обеспокоенная судьбой рязанского имения, устроила встречу с наследниками на месте. Благодаря ее целеустремленности и дипломатическому дару удалось договориться о разделе земли. На долю Достоевского пришлось двести десятин строевого леса <...>

и сто десятин полевых угодий» [Борисова, Шаулов, Юхнович, 2021, с. 224–225]. Но это было определено лишь на словах, земельная собственность продолжала бесконтрольно распродаваться, а Достоевский «желал получить землю “натурою”. Скорее всего, это <...> было связано с его детскими воспоминаниями о пребывании в Даровом и прогулках по любимой роще. Отсюда <...> и сокровенная идея Достоевского о земле-саде, призванная объединить человечество [см.: Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 54; Достоевский, 1972–1990, т. 23, с. 96], и стремление на склоне лет обрести покой в кругу семьи, в собственном имении» [Борисова, Шаулов, Юхнович, 2021, с. 225–226]. Увы, этому не суждено было сбыться: «<...> Роковым для него оказался визит В.М. Ивановой 26 января 1881 г. Она потребовала у Достоевского отказаться от доли наследства в Рязанской губернии в пользу сестер. Бурная ссора с Верой Михайловной спровоцировала приступ горлового кровотечения, повлекший за собой смерть писателя» [Борисова, Шаулов, Юхнович, 2021, с. 236–237].

Становится очевидным, что идеал жизнеустройства в течение всей жизни Достоевский видел именно в семейной сельской усадьбе. Мечта о ней была так сильна и глубока, что заставила бескорыстнейшего писателя настаивать на своей доле земельного наследства в ущерб собственному спокойствию и здоровью. Все это не могло не отразиться на формировании эстетического идеала в его творчестве. Поэтому «усадебный текст» у Достоевского заслуживает не только имеющих пока в наличии локальных подходов, но комплексного системного изучения в рамках целостной художественной вселенной писателя. Это задача будущего, решение которой достижимо путем постепенного исследовательского охвата всех произведений Достоевского в свете усадебной тематики. При этом биографические разыскания, проведенные коллегами, будут ценным подспорьем. В частности, в упомянутой работе В.А. Викторovichа есть указание на то, как опыт Дарового сказался в пространственной структуре романа о Раскольникове: «Через детские воспоминания героев чаще всего оттеняется “немое и глухое” пространство Петербурга. С “Преступления и наказания” корреляция пространственных сфер становится сюжетообразующим фактором. Из каменного мешка Петербурга Раскольников в эпилоге как будто выходит на воздух, на “широкую и пустынную реку”, с берега которой “открывалась широкая окрестность” [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 421]. С обретенным простором физическим был как-то связан дух свободы

и чистоты утопических “веков Авраама и стад его”. Здесь впечатления Дарового явным образом контаминировались с картиной омского Заиртышья» [Даровое Достоевского, 2021, с. 434]. Однако собственно усадебная тема в произведении и здесь осталась в стороне.

В настоящей статье мы хотели бы продолжить изучение роли усадебной топики в художественном мире Достоевского на материале романа «Преступление и наказание», пока не затронутого такого рода исследованиями. Работы по этой теме нам неизвестны, а в комментариях к обоим академическим ПСС Достоевского в 30-ти и 35-ти томах, выпущенным Пушкинским Домом, усадебная тема в этом романе даже не упоминается, есть лишь указания на связь мотива загнанной лошади и происхождения маляра Миколки с детскими впечатлениями из Дарового, см.: [Достоевский, 1972–1990, т. 7, с. 46, 106], а также замечания о том, что фамилия купца Вахрушина восходит к зарайскому купеческому роду Бахрушиных и сцена в усадебном саду Марфы Петровны перекликается с обозрением А.У. Порецкого в журнале «Время», см.: [Достоевский, 2013–, т. 7, с. 625–626]. В книге-комментарии к «Преступлению и наказанию» Б.Н. Тихомирова «Лазарь! гряди вон» также не находим анализа собственно усадебных реалий — только возведение ряда событий в рязанском имении Свидригайловых к тем или иным источникам: сцены в саду с пощечиной Дуне — к уже упомянутому обозрению А.У. Порецкого, см.: [Тихомиров, 2005, с. 92]; явлений призрака Марфы Петровны Свидригайлову — к приходам старой графини к Германну в «Пиковой даме» А.С. Пушкина, см.: [Тихомиров, 2005, с. 218–219]; любовь помещицы к гаданию на картах — к тому же произведению, см.: [Тихомиров, 2005, с. 283]; и т. п. Много внимания исследователь уделяет происхождению фамилии Свидригайлова, см.: [Тихомиров, 2005, с. 267–268], но об имени этого персонажа — Аркадий, — тесно связанном с концепцией усадьбы в русской культуре XVIII–XIX веков, не сказано ни слова.

Ономастика Достоевского как действенное средство художественной выразительности впервые привлекла внимание ученых Пражского семинария под руководством А.Л. Бема в 1930-е годы. В дальнейшем к ней обращались многие исследователи, см.: [Бем, Завадский, Плетнев, Чижевский, 2007; Альтман, 1975; Коган, 1981; Тихомиров, 2005; Скуридина, 2007; Белов, 2014; Касаткина, 2015; и др.]. В настоящий момент семантико-семиотическая значимость имен собственных у Достоевского-художника представляется бес-

спорной: выбирая имена персонажей, писатель «стремился создать второй смысловой ряд, чтобы глубже прописать [их] образы» [Лендова, Новикова, 2018, с. 70]. Не вчера замечены и повторяющиеся из романа в роман имена, например София, Лизавета, Петр и др., см.: [Щенникова, 2022]. Добавим к этому ряду имя Аркадий, повторяющееся в повести «Слабое сердце», романах «Преступление и наказание» и «Подросток». Из всех перечисленных исследователей впервые имя Аркадий в романе «Подросток» связала с распространенным мифологическим образом Т.А. Касаткина: «“Аркадий” значит “из Аркадии”, иносказательно — пастух, пастырь» [Касаткина, 2004, с. 278]. Подробнее это наблюдение трактует С.А. Скуридина: «Будучи Аркадием, он мечтает о жизни, полной гармонии, которую можно обрести в Аркадии — в стране патриархальной простоты нравов, мирного счастья и райской невинности. <...> О стране Аркадии говорится в упоминаемой Ф.М. Достоевским повести А.В. Дружинина “Полинька Сакс”: “Все-таки мы приятели, хотя давно уж разошлись в разные стороны. Ты удалился в свою Аркадию и успокоился, <...>, от бурь и треволнений светских...” [Дружинин, 1986, с. 8]» [Скуридина, 2007, с. 24–25]. Однако связь с усадьбой никем так и не была отмечена, хотя в повести Дружинина Аркадией называется богатое поместье Залешина в одной из российских губерний.

Действительно, в первой половине XIX века Аркадия — это распространенное иносказательное наименование дворянской усадьбы. Как сообщает Е.Е. Дмитриева, «историческая Аркадия была пустынным местом, которому древние греки приписали функцию быть местом обитания Пана, музыки и гостеприимства. И <...> лишь с эклогами Вергилия утверждается литературный миф об Аркадии как месте вечной весны и любви». «В русской литературе тема усадебной Аркадии (усадебного рая) является, можно сказать, почти константой, начиная с середины XVIII века и вплоть до середины XX века, уже в эмигрантской прозе» [Дмитриева, Купцова, 2008, с. 168, 156]. Действительно, в том или ином виде она присутствует в хорошо знакомых Достоевскому текстах М.В. Ломоносова, Г.Р. Державина, Н.М. Карамзина, А.С. Пушкина, В.А. Жуковского, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева и др. У самого писателя уже в переводе бальзаковской «Евгении Гранде» (1844) встречаем упоминание об «аркадской пастушке». Причем, как установила Т.Г. Магарил-Ильяева, переводчик добавил всего одно слово в описание предков Евгении: «“На стѣнѣ, противъ камина, висѣли два портрета, писанные — одинъ съ покойнаго г-на

Лабертельера, изображенного въ мундирѣ гвардіи лейтенанта; другой портретъ изображалъ покойную г-жу Жантильи, въ костюмѣ Аркадской пастушки” [Бальзак, 1844, № 6, с. 398] <...>. В оригинале госпожа Жантильи изображена просто в костюме пастушки. Зачем Достоевскому понадобилось добавлять одно-единственное слово?» [Магарил-Ильяева, 2019, с. 170]. Независимо от ответа на этот вопрос очевидно, что тема Аркадии как «стран[ы] счастливой сельской жизни, где процветают невинность и доброта, настоящ[его] ра[я] на земле» [Магарил-Ильяева, 2019, с. 171] осознанно входила в творческий репертуар Достоевского уже на заре писательства. Логично предположить, что питали ее идиллические воспоминания детства о Даровом.

Именем Аркадий в произведениях Достоевского впервые наделяется персонаж повести «Слабое сердце» (1848). Это, можно сказать, идеальный человек, самоотверженный хранитель семейной идиллии своего друга Васи Шумкова; однако в конце произведения в знаменитом видѣнии на Неве он прозревает иллюзорность идиллической мечты и невозможность рая на земле по причине несовершенства человеческой природы: «Он как будто только теперь понял всю эту тревогу и узнал, отчего сошел с ума его бедный, не вынесший своего счастья Вася. Губы его задрожали, глаза вспыхнули, он побледнел и как будто прозрел во что-то новое в эту минуту...», а затем «сделался скучен и угрюм и потерял всю свою веселость», см.: [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 48]. Позволим себе предположить внутреннюю автобиографичность этого образа, на что, помимо имени, намекает и фамилия героя – Нефедевич, т. е. не Федя (детское имя Достоевского), больше не тот ребенок Федя, который всем сердцем верил в вечность семейного усадебного рая в Даровом. То, что сцена на Неве повторена от имени самого писателя в фельетоне «Петербургские сновидения в стихах и прозе» (1861), замечено давно и также свидетельствует о внутренней близости автора к этому персонажу.

Подтверждает нашу гипотезу и полемика с Н. Щербиной о некой «Хрестоматии» для народного чтения из статьи «Книжность и грамотность» (1861). Сначала Достоевский приводит критическое высказывание Щербины: «Подумаешь, что такая “Хрестоматия” издана не в Петербурге, а где-нибудь в Аркадии – так от нее веет младенческим незнанием жизни, наивными понятиями, буколическим простодушием: так и ждешь, что увидишь на заглавном листке

брошюры слова: издание Меналка или Тирсиса...» [Достоевский, 1972–1990, т. 19, с. 22]. Писатель не согласен с культуртрегерским подходом своего оппонента и предлагает собственные «почвеннические» идеи, призывающие людей из «образованного сословия» не только учить народ, но и учиться у него. При этом как бы вскользь замечает: «Мы вовсе не хотим здесь защищать <...> “Меналков и Тирсисов”, хотя “сии последние” и были нам когда-то полезны и даже милы» [Достоевский, 1972–1990, т. 19, с. 24]. Что это, как не автобиографическое признание? Однако теперь Достоевский относится к Аркадии намного трезвее.

Действительно, уже в пятой эклоге Вергилия, наверняка известной писателю с отроческих лет, Аркадия «предстает не только как идиллическое место, но и как топос смерти: ибо именно здесь <...> разворачивается похоронная церемония в память Дафниса. Это “вергилиево место”, в котором соединяются идиллическая утопия и траурная меланхолия, становится в начале XV в. и центральной темой “Аркадии” Джакомо Саннадзаро, а позже также и сюжетом нескольких живописных полотен, среди которых наибольшей известностью пользуется картина Н. Пуссена “Et in Arcadia ego”. Знаменитая надпись (“Я тоже жил в Аркадии”), при ее видимой прозрачности, длительное время вызывала недоумение», так как «означала вовсе не ностальгию по идеальным временам, но предостережение: даже в Аркадии уже господствует смерть» [Дмитриева, Купцова, 2008, с. 168–169]. Если знакомство Достоевского с картиной Пуссена может быть под вопросом, то знание баллады «Отречение» (1784) горячо любимого им с юных лет Ф. Шиллера не вызывает сомнений, о чем, к примеру, свидетельствует перефразированная цитата оттуда в очерке «Маленькие картинки (в дороге)» (1874). Уже начальные строки шиллеровского стихотворения вызывают у читателя амбивалентные чувства по отношению к Аркадии:

И я на свет в Аркадии родился,
И я, как все кругом,
Лишь в колыбели счастьем наслаждался;
И я на свет в Аркадии родился,
Но сколько слёз я лил потом.

Май жизни только раз цветёт, прекрасный,
И мой отцвёл давно.

Благой Господь, — о, плачь, мой брат несчастный! —
Благой Господь задул мой светоч ясный,
И вот — вокруг темно <...>

[Шиллер, 2022].

Согласно одной версии, считает У. Брумфилд, слова: “Et in Arcadia ego” — «означают, что смерть есть даже в Аркадии (memento mori); согласно другой — что умерший, хотя и не разделяет больше земных радостей, тоже был причастен к аркадской идиллии. Мы предлагаем третью трактовку: “ego” — это художник, творящий свое видение Аркадии и размышляющий о жизни и смерти в его границах» [Брумфилд, 2020, с. 58].

Кроме того, неидиллическое восприятие усадьбы могло прийти к Достоевскому из западноевропейского «готического романа», которым он зачитывался в отрочестве. Аристократические замки в «Удольфских тайнах» А. Радклиф (1794) и «Эликсире дьявола» Э.Т.А. Гофмана (1815) были локусами греха, преступления и несчастья. Если же вновь обратиться к биографии писателя, то «райские» воспоминания о Даровом навсегда омрачились печальными событиями: смертью матери в 1837 году, слухами о связи отца с дворовой девушкой и о его убийстве крестьянами на территории поместья в 1839 году. Так что двойственное отношение к усадебной Аркадии, сложившееся у Достоевского к 1860-м годам, можно объяснить несколькими причинами.

Из художественных произведений после «Слабого сердца» имя Аркадий вновь появляется только в «Преступлении и наказании». Интересно, что хронологически между этими двумя текстами находится «Село Степанчиково и его обитатели» с главенством в нем «усадебного хронотопа», однако темы Аркадии мы там не встречаем. По мысли Е.Ю. Сафроновой, этот роман «отвечает только формальным признакам произведения с усадебным сюжетом. В середине XIX в. начался процесс разрушения “усадебной культуры”, и в художественных текстах усилились элегические, ностальгические и даже трагические ноты. Автор взял форму усадебного романа, но при сохранении внешних элементов наполнил ее другим, прямо противоположным содержанием — и текст получил иронические и саркастические тона. <...> Идиллический топос романа постоянно сатирически переворачивается, иронически снижаются мотивы искушения, грехопадения, искупления, нарративы проповеди и сми-

рения. <...> Топос усадебного рая <...> снижается и развенчивается» [Сафронова, 2020, с. 88–89, 94].

Изображение усадьбы в «Преступлении и наказании» также не совпадает с безоблачной аркадской идиллией; в композиции романа оно занимает сравнительно небольшое место, находясь за гранью романного действия, в прошлом. Оговоримся сразу: мы нисколько не оспариваем очевидного факта, что «Преступление и наказание» прежде всего — роман большого города, в котором воспроизводится реальная атмосфера капиталистического Петербурга со всеми его социально-нравственными язвами: имущественными контрастами, преступностью, алкоголизмом, проституцией. Тем не менее черты рязанского имения Марфы Петровны, с которым связаны судьбы таких центральных персонажей произведения, как Дуня Раскольников и Аркадий Свидригайлов, здесь проступают весьма явственно. Его географическое положение восходит к Даровому и тем самым автобиографично. И живший там в течение 7 лет помещик Аркадий самым своим именем сигнализирует о том, что «райские», идиллические коннотации усадьбы живы в творческой памяти Достоевского.

О концептуальной осознанности наречения Свидригайлова именем Аркадий свидетельствует тот факт, что в ранних редакциях Аркадием Семеновичем или Аркадием Степановичем был Мармеладов, а его дочь Соня, соответственно, — Софьей Аркадьевной, см.: [Достоевский, 1972–1990, т. 7, с. 217, 220, 222, 320]. В окончательном тексте эти герои — Семен Захарович и Софья Семеновна. Аркадием, да еще Ивановичем (как Нефедевич из «Слабого сердца») остается только приехавший из усадьбы Свидригайлов. С Нефедевичем сближает его еще один штрих: первый «сделался скучен и угрюм и потерял всю свою веселость» в самом конце повести, после трагедии с Васей и видения на Неве; второй характеризует себя еще до начала романного действия следующим образом: «А я ведь человек мрачный, скучный. Вы думаете, веселый? Нет, мрачный: вреда не делаю, а сижу в углу; иной раз три дня не разговорят» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 368]. В пользу определенной автобиографичности и этого образа говорит происхождение фамилии героя «от собственного имени князя *Свидригайло* — заметной фигуры русско-литовской истории XV века. <...> Достоевский мог запомнить это имя еще с детских лет, когда в доме его родителей любимым семейным чтением была «История государства Российского» Н.М. Карамзина»

[Тихомиров, 2005, с. 267]. К тому же древний род самих Достоевских восходит к польско-литовским корням, см.: [Хроника, 2012]. О третьем Аркадии в произведениях Достоевского — из романа «Подросток», который также имеет непосредственное отношение к русской усадьбе, — достаточно подробно сказано в другой нашей статье, см.: [Богданова, 2021a].

Именование Аркадий Иванович встречается в «Преступлении и наказании» 18 раз и всегда в прямой или несобственно-прямой речи персонажей с разными коннотациями: самого Свидригайлова (нейтрально-сообщительная), Марфы Петровны (семейно-интимная), Лужина (насмешливо-язвительная), Сони Мармеладовой (благодарно-уважительная) и матери 16-летней невесты героя в Петербурге (подобострастная), что свидетельствует о неоднозначности образа, вызывающего такую гамму чувств. В самом деле, «Свидригайлов <...> один из самых сложных и противоречивых героев в творчестве Достоевского» [Тихомиров, 2005, с. 267]. Интересно, что Дуня Раскольниковна на страницах романа ни разу не называет его Аркадием Ивановичем, хотя в жизнеподобной поэтике обращение гувернантки к отцу своих воспитанников должно быть именно таким. Видимо, это своеобразный минус-прием, требующий осмысления. В качестве гипотезы предположим, что причина — в книжном, романтическом восприятии Дуней фигуры Свидригайлова: в помещичьем доме ей стали «известны все эти мрачные, таинственные сказки», которые ему приписывала экзальтированная Марфа Петровна. Девушка узнала о муже владелицы имения «столько таинственного и любопытного», что чуть ли не отождествила его со «злодеями» из готических романов, запросто идущими на изощренные преступления [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 364–365, 381]. Какой уж тут Аркадий Иванович, молчаливый 50-летний помещик, хозяин, отец семейства?! На деле же Свидригайлов предстает, в сущности, обыкновенным человеком — не злым, весьма умным, довольно щедрым, прямым и даже с проблесками совести: ведь в некрасивой истории с обвинением гувернантки в усадьбе именно «господин Свидригайлов одумался и раскаялся и, вероятно пожалев Дуню, представил Марфе Петровне полные и очевидные доказательства всей Дунечкиной невинности <...>» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 29]. Он умеет быть самокритичным, трезво оценивает себя, практически лишен позерства. Его беда и вина — в одержимости блудной страстью, в которой сам он находит «нечто постоянное,

основанное даже на природе и не подверженное фантазии, нечто всегдашним разожженным угольком в крови пребывающее, вечно поджигающее, которое и долго еще, и с летами, может быть, не так скоро заляешь» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 359]. Как истинный аркадеец, герой Достоевского, в ответ на пришедшее из христианской этики обвинение в разврате, искренне недоумевает: «<...> для чего я буду себя сдерживать?» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 359]. Такая позиция свойственна немалому числу мужчин. Поэтому более адекватно, чем дочь, оценивает Свидригайлова умудренная летами Пульхерия Александровна Раскольниковна, по мнению которой Марфа Петровна, «вполне восстанови[в] честь Дунечки» и всю «гнузность этого дела <...> неизгладимым позором» возложив на своего мужа, «слишком уже строго поступила с этим сумасбродом» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 30].

Рязанское имение Марфы Петровны предстает перед читателем «Преступления и наказания» в речевом преломлении таких персонажей, как Пульхерия Александровна, сам Свидригайлов, Дуня и Лужин. Мы не найдем его целостного изображения — описания дома, сада и служб; образ усадьбы воссоздается по отдельным штрихам, деталям, картинам: перед нами то столовая в помещичьем доме, где красавица гувернантка сидит за чинным семейным обедом с хозяйской четой и их детьми; то будуар помещицы, убивающей время гаданием на картах; то сад — место нравоучительных бесед и прогулок Дуни и Свидригайлова, деревенских уроков стрельбы из револьвера, блеска луны и трелей соловья, а также — «ужасной» сцены ревности жены помещика; то курительная, где Свидригайлов всегда находит набитые лакеем Филиппом трубки и не отказывает себе в удовольствии свысока посмеяться над «домашним философом»; то библиотека, где он частенько читает: «<...> ведь я хозяином порядочным в деревне стал; меня в околотке знают. Книжки тоже выписывал. Марфа Петровна сперва одобряла, а потом всё боялась, что я заучусь»; то людская, где сладострастный помещик с ведома жены развлекается с сенными девушками; при этом, по личному свидетельству Дуни, Свидригайлов «хорошо обходился с людьми, и люди его даже любили» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 29, 218, 228–229]. Картина противоречивая: с одной стороны, социально-критическая (произвол по отношению к дворовым: лакею Фильке, Параше и проч.), с другой — передающая патриархальное обаяние усадебного быта (семейное согласие четы Свидригайловых,

воспитание детей, совместные трапезы, занятия хозяйством, чтение, визиты) и одновременно — историю романтической влюбленности, с книжно-демоническим привкусом и неуправляемой страстью (взаимоотношения Дуни и Свидригайлова, в которых сама девушка играла достаточно активную роль). В таком восприятии усадьбы Достоевский отнюдь не был одинок в русской литературе второй половины XIX века: и у И.С. Тургенева, и у И.А. Гончарова, и у Л.Н. Толстого, и у Н.П. Огарева это не только Аркадия, но и «место произвола помещиков и подчас непосильного труда крестьян», о чем «писал уже Пушкин, определивший в стихотворении “Деревня” <...> две стороны усадебного топоса: усадьба как “приют спокойствия, трудов и вдохновения” и усадьба как место рабского труда и разврата» [Дмитриева, 2019, с. 141]. И, конечно же, литературная усадьба — это всегда «пространство любви по определению» [Дмитриева, Купцова, 2008, с. 111].

Покойная к моменту начала романного действия супруга Свидригайлова Марфа Петровна предстает, в сущности, простой и доброй русской барыней, способной к сильному бескорыстному чувству (любовь к мужу, привязанность к гувернантке) и признанию своих ошибок (сначала обвинила, а потом облагодетельствовала Дуню), щедрой (дорогие часы у Дуни, 3000 рублей в завещании — подарки Марфы Петровны), сердечной (искренне привечала бедную девушку, пока не заподозрила ее в связи со своим мужем), деятельной. Она же и чрезмерно болтлива и доверчива, и безоглядно ревнива, и готова схитрить ради кажущейся выгоды: «Очень любила, — говорит Свидригайлов. — Семь лет из деревни не выезжал. И заметьте, всю-то жизнь документ против меня <...> держала, так что задумай я в чем-нибудь взбунтоваться, — тотчас же в капкан! <...> Да и уж с год будет, как Марфа Петровна в именины мои мне и документ этот возвратила, да еще вдобавок примечательную сумму подарила. <...> “Видите, как я вам доверяю, Аркадий Иванович”, — право, так и выразилась» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 218]. (В этой черте она предвещает Катерину Ахмакову из «Подростка», тоже с усадебным прошлым, которая вначале по-женски манипулировала другим Аркадием ради добычи компрометирующего ее «документа».) Имя героини — Марфа — в переводе с древнесирийского означает госпожа, хозяйка; отчество Петровна указывает на имперское происхождение русской дворянской усадьбы XVIII–XIX веков, см.: [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 453].

Одновременно со страстью к Дуне Свидригайлов очевидно испытывает семейную привязанность к жене, отзываясь о ней с добрым, искренним чувством: «Это была женщина честная, весьма неглупая (хотя и совершенно необразованная). <...> Может быть, вы уже очень много слышали о Марфе Петровне смешного и нелепого, — говорит он Раскольникову, — Действительно, у ней были иные весьма смешные привычки; но скажу вам прямо, что я искренно сожалею о бесчисленных горестях, которых я был причиной». Видно, что, при всем «свинстве», он умел ценить свою «пламенную и восприимчивую» супругу и, по наблюдению собеседника, очень скучал по ней, см.: [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 218, 363–364]. «Двойная любовь» характерна и для других героев Достоевского из «великого пятикнижия»: Мышкина, Версилова. Думается, что слух об отравлении Свидригайловым Марфы Петровны весьма сомнителен; сам он в пылу искренних признаний брату Дунечки однозначно его отрицает, да и не была для него жена препятствием к удовлетворению своих желаний: «Меня этот документ почти не стеснял. Никуда мне не хотелось, а за границу Марфа Петровна и сама меня раза два приглашала, видя, что я скучал» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 218]; кроме того, между ними с самого начала был «изустный контракт»: «Марфа Петровна позволяет мне пригласить иногда на сенных девушек, но не иначе как с ее секретного ведома» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 363]. Обвинение было пущено Лужиным, стремившимся очернить Свидригайлова как соперника в борьбе за обладание Дуней. Напротив, по свидетельству самой девушки, муж с женой был всегда «очень терпелив, даже вежлив. Во многих случаях даже слишком был снисходителен к ее характеру, целые семь лет...» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 175].

Особенность Достоевского в том, что, наряду со всем отмеченным выше, он придает «усадебному топосу» онтологическое измерение. Так, учитывая признанную всеми значимость ономастики писателя, нельзя не обратить внимания на соположение имен несчастливой рязанской помещицы и новозаветной Марфы, сестры воскресенного Христом Лазаря. Также в романе указывается, что Марфа Петровна бывала в храме, где на коленях и со слезами молилась Богородице о даровании сил на испытания, см.: [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 30]. В Петербурге о скоростижной смерти Марфы Петровны от апоплексического удара почти одновременно узнают Пульхерия Александровна, Дуня и Раскольников; слышатся повторяющиеся

возгласы: «Марфа Петровна умерла!» — и вопросы: «Какая это Марфа Петровна?», см.: [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 169, 175]. И вот сведения о ней стремительно множатся в диалогах Пульхерии Александровны и Разумихина, Лужина и Дуни, Свидригайлова и Раскольникова. На протяжении 80 страниц текста имя Марфы Петровны повторяется около 40 раз, в том числе в связи с явлением вдовцу ее призрака; мы многое о ней узнаем. И наконец наступает кульминационная в романе сцена чтения вслух 11-й главы из Евангелия от Иоанна в петербургской каморке Сони Мармеладовой, где речь идет о Марфе и Марии, сестрах умершего Лазаря: «<...> Марфа, услыша, что идет Иисус, пошла навстречу ему; Мария же сидела дома. Тогда Марфа сказала Иисусу: Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой. Но и теперь знаю, что чего Ты попросишь у Бога, даст тебе Бог». <...> “Иисус говорит ей: воскреснет брат твой. Марфа сказала ему: знаю, что воскреснет в воскресенье, в последний день. Иисус сказал ей: Я *есмь* воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий живущий и верующий в Меня не умрет вовек. Верить ли сему? Она говорит Ему: <...> Так, Господи! Я верую, что Ты Христос, Сын Божий, грядущий в мир”». Когда Иисус подошел ко гробу Лазаря, «[с]естра умершего Марфа говорит Ему: Господи! уже смердит; ибо четыре дни, как он во гробе”. [Читающая Евангелие Соня] энергично ударила на слово: *четыре*. “Иисус говорит ей: не сказал ли Я тебе, что если будешь веровать, увидишь славу Божию? Итак, отняли камень от пещеры, где лежал умерший. Иисус же возвел очи к небу и <...> воззвал громким голосом: Лазарь! иди вон. И *вышел умерший* <...>» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 250–251].

Эти евангельские слова Достоевский-автор заставляет выслушать мужа Марфы Петровны, Свидригайлова, притаившегося за дверь в соседней квартире Ресслих. В переданном эпизоде активный диалог с Христом ведет та самая Марфа, которая, в отличие от своей сестры Марии, когда-то больше заботилась о материальном угощении, чем о духовном общении во время пребывания Иисуса в доме ее брата в Вифании (Лк. 10, 40–42). (Вспомним подчеркнутый бытовизм разговоров призрака жены Свидригайлова: завод часов, фасон платья, гадание на картах). Теперь же именно Марфа идет навстречу Господу, и ее действенная вера способствует возвращению любимого человека к жизни. Не случайно, что «четыре дня <...> во гробе» на страницах «Преступления и наказания» касаются не только евангельского Лазаря, но и романной Марфы Петровны.

Далее тема жены Аркадия Свидригайлова возобновляется только через 100 с лишним страниц романного текста, в диалоге с Раскольниковым в «дрянном» петербургском трактире перед сценой несостоявшегося овладения Дуней. Именно здесь Свидригайлов неожиданно оказывается на «патриархальной ноге» с лакеем Филиппом (тезкой усадебного) и женской прислугой, см.: [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 356], именно здесь он много рассказывает о Марфе Петровне, их семейной жизни в усадьбе и передает в деталях историю взаимоотношений с Дуней. Т. е. усадебная тема нарастает на протяжении 25 страниц текста, прежде чем перейти в трагический эпизод с Дуней в квартире Ресслих. Не случайна, по-видимому, и такая деталь: револьвер, из которого Дуня дважды стреляет в Свидригайлова, взят ею у Марфы Петровны. Затем его подбирает с пола муж умершей и вскоре из него же застреливается.

Во время последнего мучительного свидания в Петербурге Свидригайлов пересказывает Дуне их уединенные усадебные разговоры при луне и соловье, Дуня напоминает ему о Марфе Петровне... И неожиданно Аркадий Иванович отпускает беззащитную девушку, находящуюся в его полной власти. Не кроется ли разгадка такого поведения в том, что он все-таки во многом человек из Аркадии, из того усадебного рая, пусть и идеализированного, где «волк» может «жить вместе с ягнёнком» (Ис. 11, 6), или помещик-дворянин — блюсти заветы патриархальной семейственности, оберегать благополучие родственников, слуг и домочадцев.

Описанный выше поступок героя «Преступления и наказания» можно трактовать как одно из проявлений так называемого «усадебного габитуса» — «системы категорий восприятия, мышления и действия», которые индивид приобретает, инкорпорируя способы жизнедеятельности, характерные для того или иного «социального поля», см.: [Бурдьё, 2014, с. 292], в частности помещицкой усадьбы. Его носителем человек остается и в ситуации других топосов, в которые он попадает в процессе жизни, приспособляясь к ним или, напротив, их видоизменяя. Так что соответствующий герой «Преступления и наказания», даже живя в Петербурге, все равно остается, пусть и не в полной мере, носителем той самой «усадебной культуры» с присущей ей системой ценностей, которая в течение столетий сформировалась на просторах Среднерусской равнины. По точному наблюдению Л.Н. Летагина, усадебная традиция, как «форма организации жизнедеятельности, <...> формирует особый

тип личности» [Летягин, 2004, с. 13], выработавший «все, что было в русской жизни спокойного, достойного, добротного, казавшегося утвержденным навсегда» [Бенуа, 1980, с. 505]. Такая личность является воплощением «усадебного габитуса» и за пределами «усадебного топоса» — ведь сформированный топосом габитус способен сохранять устойчивость в других социальных полях.

Тем не менее, на фоне глубокой христианской онтологичности «Преступления и наказания», бросается в глаза преимущественно языческий характер изображенной в романе усадебной жизни. Даже храм, где молилась и каялась Марфа Петровна, расположен не в усадьбе, а в соседнем городе. Исследуя корни фамилии Свидригайлова, Б.Н. Тихомиров пишет: «Свидригайло — имя языческое, данное при рождении; в крещении его имя — Болеслав. Но в истории языческое имя заслонило и вытеснило христианское. В персонаже Достоевского также явлена победа дохристианского, языческого начала в человеке» [Тихомиров, 2005, с. 267]. В частности, это подтверждается такой художественной деталью: ночь перед самоубийством Свидригайлов проводит в гостинице «Адрианополь», однако, как установил Б.Н. Тихомиров, «[г]остиницы с таким названием в 1860-е гг. в Петербурге не было. Это заставляет искать в названии “Адрианополь” (“город Адриана” — *греч.*) иносказательные, символические смыслы. <...> В контексте романа <...> имя императора Адриана, гонителя христиан <...>», актуализирует языческий субстрат всего происходящего с героем. «С этой точки зрения гостиница “Адрианополь” оказывается <...> символическим образом, принадлежащим языческому Петербургу. А самоубийство Свидригайлова предстает как крах языческой, антихристианской идеи», см.: [Тихомиров, 2005, с. 397–398]. В свою очередь, Т.А. Касаткина указывает на «авторскую характеристику» Свидригайлова как «язычника последних времен, сраженного скукой и безразличием, нравственным релятивизмом <...>», и живущего в «параллельн[ом] языческ[ом] мир[e], существовавши[м] во всей силе еще пять веков по Пришествии Христовом, со своими таинствами, оракулами и посвящениями, со своей премудростью, и часто — даже после официального принятия Христианства <...>», см.: [Касаткина, 2015, с. 153–154, 205–206].

Добавим, что имя героя-помещика — Аркадий — также пришло из язычества, являясь частью античной мифологии, по-своему прекрасной (как будет показано Достоевским в «Подростке», в ожившей картине Клода Лоррена «Асис и Галатей» из сна Версилова), но со-

вершенно недостаточной для победы над своей страстной природой и реализации божественного предназначения человека, полученного благодаря христианству. Как пишет Б.А. Васильев, «язычество было вполне живо в русской дворянской культуре начала XIX в.: усадьбы были полны статуями языческих богов, грифонов, кентавров и т. д., поэзия и живопись насыщены образами античной мифологии» [Васильев, 1995, с. 39]. Даже любимый Достоевским Пушкин «перенес языческое восприятие на христианские священные изображения (православные иконы). Святой угол с иконами в православном доме воспринимается им, как уголок пенатов в античном жилище» [Васильев, 1995, с. 39].

Интересно, что аналогичный вердикт русской усадьбе — как языческому топосу — с неохристианских позиций выносят в Серебряном веке писатель-символист Г.И. Чулков и религиозный философ Н.А. Бердяев, оба внимательные читатели и почитатели Достоевского. Так, повесть «Дом на песке» (1910–1911) пронизана неприятием основ традиционной дворянской «усадебной культуры»: патриархальной семейственности и хозяйствования на земле с целью урожая, приплода скота, материального изобилия. «Усадьба в “Доме на песке” — это прежде всего “эпическая” традиционность и полуживотное язычество (и только потом — локус социальной несправедливости), что прямо перекликается со словами близкого Чулкову еще в период “Вопросов жизни” Н.А. Бердяева, который у ранних славянофилов, идеологов “усадебной культуры”, усматривал существенный языческий элемент: “Град славянофилов — святая Русь, и уют помещичьих усадеб, и хлебные поля, и семья, и патриархальность отношений. Но град этот — наполовину языческий, это не град Христов, <...> которого <...> никогда и нигде еще не было в истории”, который “впереди, в конце”, и который “взыскуют” культурные деятели Серебряного века [Бердяев, 2005, с. 82]» [Богданова, 2021б, с. 86–87]. По сути такие же претензии предъявляют усадьбе А.Н. Толстой в повести «Мишука Налымов (Заволжье)» (1910) и Н.С. Гумилев в стихотворениях «Старина» (1908), «Старые усадьбы» (1913) и др., подробнее см.: [Богданова, 2020]. Таким образом, в 1910-е годы, во многом вслед за односторонне понятым Достоевским и в противовес ностальгическому «усадебному мифу» о Золотом веке русского дворянства, в литературе формируется целое течение, отрицающее традиционную отечественную усадьбу как изживший себя языческий феномен.

Сам же Достоевский, несмотря на заметный критический уклон (не столько социального, сколько онтологического характера), в «Преступлении и наказании» возвращается к вечному идеалу Аркадии, за земным несовершенством которого умеет увидеть его непреходящую ценность: отблеск утраченного райского состояния, незамутненную красоту природы, доверительную простоту нравов, полезную хозяйственную деятельность, спокойную нежную семейственность. Недаром в дальнейшем творчестве, в романе «Подросток», вновь появляется Аркадий — юноша, с которым писатель связывает надежды на лучшее будущее для России. Но это уже тема самостоятельного исследования.

Список литературы

1. Альтман, 1975 — *Альтман М.С.* Достоевский. По вехам имен. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1975. 280 с.
2. Бальзак, 1844 — *Бальзак Оноре де.* Евгения Гранде // Репертуар и Пантеон. Театральное обозрение. СПб.: Тип. К. Жернакова, 1844. № 6. Отд. I. С. 386–457; № 7. Отд. I. С. 44–125.
3. Белов, 2014 — *Белов С.В.* Имена и фамилии у Достоевского // Телескоп. 2014. № 6. С. 42–43.
4. Бем, Завадский, Плетнев, Чижевский, 2007 — *Бем А.Л., Завадский С.В., Плетнев Р.В., Чижевский Д.И.* Словарь личных имен у Достоевского // Вокруг Достоевского: в 2 т. М.: Русский путь, 2007. Т. 1: О Достоевском: Сб. статей под ред. А.Л. Бема / сост., вступ. ст. и коммент. М. Магидовой. С. 288–361.
5. Бенуа, 1980 — *Бенуа А.Н.* Мои воспоминания. М.: Наука, 1980. Т. 1. Кн. I–III. 711 с.
6. Бердяев, 2005 — *Бердяев Н.А.* Алексей Степанович Хомяков. М.: Высшая школа, 2005. 237 с.
7. Бессонова, 2019 — *Бессонова А.С.* Неизвестное Даровое (по архивным материалам) // V Летние чтения в Даровом / ред.-сост. В.А. Викторович. Коломна: ИД «Лига», 2019. С. 193–200.
8. Бессонова, 2021 — *Бессонова А.С.* Легенды и факты о жизни М.А. Достоевского в Даровом (1837–1839) // Неизвестный Достоевский. 2021. Т. 8. № 1. С. 61–76.
9. Бирюкова, 2013 — *Бирюкова Т.Г.* Даровое — усадьба Достоевских. Возвращение. Историческая реконструкция. М.: Пашков дом, 2013. 135 с.
10. Богданова, 2010 — *Богданова О.А.* Место Ф.М. Достоевского в «усадебном тексте» русской литературы XIX – начала XX века. Социокультурный аспект // Универсалии русской литературы. 2. Сборник статей / отв. ред. А.А. Фаустов. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2010. С. 296–305.
11. Богданова, 2019 — *Богданова О.А.* Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология: Монография. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 288 с. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 1).

12. Богданова, 2020 — *Богданова О.А.* «Незолотая старина»: опыт негативной ре-
цепции «усадебной культуры» на рубеже XIX–XX вв. // *Studia Litterarum.* 2020. Т. 5. № 3.
С. 252–269.
13. Богданова, 2021а — *Богданова О.А.* «Усадебные» герои Ф.М. Достоевского // *Антропология Достоевского. Человек как проблема и объект изображения в мире До-
стоевского: мат-лы междунар. симпозиума. София, 23–26 октября 2018 г.* / сост. и ред.
Э. Димитров. София: Болгарское общество Достоевского, 2021. С. 199–207.
14. Богданова, 2021б — *Богданова О.А.* «Усадебный текст» Георгия Чулкова: нео-
мифология писательских имен в повести «Дом на песке» // *Усадьба реальная — усадьба
литературная: векторы творческого преобразования: Коллективная монография / сост., отв.
ред. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 73–92. (Серия «Русская усадьба в мировом
контексте». Вып. 6).*
15. Богданова, 2022 — *Богданова О.А.* Проблема красоты и женские характеры
в романе Ф.М. Достоевского «Подросток» // *Роман Ф.М. Достоевского «Подросток». Современное состояние изучения / сост. и отв. ред. Т.А. Касаткина. М.: ИМЛИ РАН, 2022.
С. 338–364.*
16. Борисова, Шаулов, Юхнович, 2021 — *Борисова В.В., Шаулов С.С., Юхнович Ю.В.*
«Дело о куманинском наследстве» в жизни и творчестве Ф.М. Достоевского. Уфа: Печат-
ник, 2021. 268 с.
17. Брумфилд, 2020 — *Брумфилд Уильям.* “Et in Arcadia ego”: усадьба как нравственное
пространство в русской литературе XIX–XX вв. // *Русская усадьба и Европа: диахрония,
ностальгия, универсализм: Коллективная монография / сост. и отв. ред. О.А. Богданова.
М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 56–71. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 2).*
18. Бурдье, 2014 — *Бурдье, Пьер.* Социальное пространство: поля и практики / пер.
с фр., сост. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2014. 576 с.
19. Васильев, 1995 — *Васильев Б.А.* Духовный путь Пушкина. М.: Sam&Sam, 1995. 360 с.
20. Викторovich, 2013 — *Викторovich В.А.* Тайна «незамечательного места» // III Лет-
ние чтения в Даровом / ред.-сост. В.А. Викторovich. Коломна: ИД «Лига», 2013. С. 7–14.
21. Викторovich, 2019 — *Викторovich В.А.* Достоевский. Вопрос о народе // V Летние
чтения в Даровом / ред.-сост. В.А. Викторovich. Коломна: ИД «Лига», 2019. С. 7–18.
22. Викторovich, 2021 — *Викторovich В.А.* Достоевский. Формула семьи // VI Летние
чтения в Даровом / ред.-сост. В.А. Викторovich. Коломна, 2021. С. 21–39.
23. Волгин, 1991 — *Волгин И.Л.* Родиться в России: Достоевский и современники:
Жизнь в документах. М.: Книга, 1991. 605 с.
24. Гроссман, 1925 — *Гроссман Л.П.* Новое о Достоевском // *Красная нива.* 1925. № 9.
С. 193–216.
25. Даровое Достоевского, 2021 — *Даровое Достоевского: материалы и исследования:
коллективная монография / под ред. А.С. Бессоновой. Коломна: ИД «Лига», 2021. 543 с.*
26. Дементьева, 2019 — *Дементьева Т.Н.* Даровое в жизни и творчестве
Ф.М. Достоевского // *Русская усадьба: Сборник Общества изучения русской усадьбы /
науч. ред.-сост. М.В. Нащокина. СПб.: Коло, 2019. Вып. 25 (41). С. 82–89.*
27. Дементьева, Воронкина, 2020 — *Дементьева Т.Н., Воронкина Л.А.* Имение Даро-
вое и его владельцы (по новым архивным документам) // *Неизвестный Достоевский.* 2020.
№ 4. С. 106–131.

28. Дмитриева, 2019 — *Дмитриева Е.Е.* Русская усадьба: семантика, топос и хронос // Имагология и компаративистика. 2019. № 11. С. 140–173.
29. Дмитриева, Купцова, 2008 — *Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н.* Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. 2-е изд. М.: ОГИ, 2008. 528 с.
30. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
31. Достоевский, 2013– — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 35 т. СПб.: Наука, 2013– (издание продолжается).
32. Дружинин, 1986 — *Дружинин А.В.* Повести. Дневник. М.: Наука, 1986. 504 с. (Серия «Литературные памятники»).
33. Касаткина, 2004 — *Касаткина Т.А.* О творческой природе слова: Онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М.: ИМЛИ РАН, 2004. 480 с.
34. Касаткина, 2015 — *Касаткина Т.А.* Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 528 с.
35. Коган, 1981 — *Коган Г.Ф.* «Загадочное» имя Свидригайлова: («Преступление и наказание» и периодическая печать 1860-х годов) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. М.: Наука, 1981. Т. 40. № 5. С. 426–435.
36. Лендова, Новикова, 2018 — *Лендова О.В., Новикова М.В.* Ономастика в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики № 1(28) 2018. С. 69–74.
37. Летягин, 2004 — *Летягин Л.Н.* Усадебный металандшафт России // Русская усадьба: Сб. ОИРУ. Вып. 10 (26). М.: Жираф, 2004. С. 9-18.
38. Магарил-Ильяева, 2019 — *Магарил-Ильяева Т.Г.* «Философия перевода»: Ф.М. Достоевский и роман О. Бальзака «Евгения Гранде» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2019. № 1 (5). С. 157–176.
39. Макаричева, 2008 — *Макаричева Н.А.* Парадигма «усадьба — дом — угол» в творчестве Достоевского // Усадьба реальная — усадьба литературная: Сб. статей. Мелихово: Гос. лит.-мемор. музей-заповедник А.П. Чехова, 2008. С. 224–229.
40. Нечаева, 1926 — *Нечаева В.С.* Из литературы о Достоевском: Поездка в Даровое // Новый мир. 1926. № 3. 128–144.
41. Нечаева, 1939 — *Нечаева В.С.* В семье и усадьбе Достоевских (письма М.А. и М.Ф. Достоевских). М.: Соцэкгиз, 1939. 160 с.
42. Прохоров, 2016 — *Прохоров Г.С.* Архив Моногаровской церкви как достоиведческий источник // IV Летние чтения в Даровом / ред.-сост. В.А. Викторovich. Коломна, 2016. С. 129–169.
43. Сафронова, 2018 — *Сафронова Е.Ю.* Genius loci в поэтике романа Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 3. С. 65–84.
44. Сафронова, 2019 — *Сафронова Е.Ю.* Топос усадебного рая в романе Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» // Исследовательский журнал русского языка и литературы (Иран). 2019. Т. 7. № 2 (14). С. 169–186.
45. Сафронова, 2020 — *Сафронова Е.Ю.* «Село Степанчиково и его обитатели» и «Набег на Барсуковку»: пародийно-сатирический модус в изображении усадьбы

у Ф.М. Достоевского и М.А. Кузмина // Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм: Коллективная монография / сост. и отв. ред. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 85–98 (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 2).

46. Скуридина, 2007 — Скуридина С.А. Поэтика имени у Ф.М. Достоевского (на материале романов «Подросток» и «Братья Карамазовы»). Воронеж: Научная книга, 2007. 302 с.

47. Тихомиров, 2005 — Тихомиров Б.Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. 472 с.

48. Федоров, 1981 — Фёдоров Г.А. Сельцо Даровое // За новую жизнь (Зарайск). 1981. 10, 12, 19, 21, 26 ноября.

49. Федоров, 1988 — Фёдоров Г.А. «Помещик. Отца убили...» // Новый мир. 1988. № 10. С. 219–238.

50. Федоров, 2004 — Фёдоров Г.А. Московский мир Достоевского: Из истории русской художественной культуры XX века. М.: Языки славянской культуры, 2004. 459 с.

51. Хроника, 2012 — Хроника рода Достоевских. Под редакцией И.Л. Волгина (Руководитель проекта). Игорь Волгин. Родные и близкие: Историко-биографические очерки. М.: Фонд Достоевского, 2012. 1232 с.

52. Шиллер, 2022 — Шиллер Ф. Отречение / пер. с нем. Н.К. Чуковского. URL: <https://rustih.ru/fridrix-shiller-otrechenie/> (дата обращения: 08.08.2022).

53. Щенникова, 2022 — Щенникова Л.П. Имена. URL: <https://fedordostoevsky.ru/research/aesthetics-poetics/157/> (дата обращения: 08.08.2022).

References

1. Al'tman, M.S. *Dostoevskii. Po vekham imen* [*Dostoevsky. By Milestones of Names*]. Saratov, Saratov University Publ., 1975. 280 p. (In Russ.)

2. Bal'zak, Onore de. "Evgeniia Grande" ["Eugenia Grande"]. *Repertuar i Panteon. Teatral'noe obozrenie* [*Repertoire and Pantheon. Theater Review*]. St. Petersburg, 1844, no. 6, dep. I, pp. 386–457; no. 7, dep. I, pp. 44–125. (In Russ.)

3. Belov, S.V. "Imena i familii u Dostoevskogo" ["Names and Surnames in Dostoevsky"]. *Teleskop*, no. 6, 2014, pp. 42–43. (In Russ.)

4. Bem, A.L., Zavadskii, S.V., Pletnev, R.V., Chizhevskii, D.I. "Slovar' lichnykh imen u Dostoevskogo" ["Dostoevsky's Dictionary of Personal Names"]. Magidova, M., editor. *Vokrug Dostoevskogo: v 2 tomakh* [*Around Dostoevsky: in 2 vols*], vol. 1: O Dostoevskom: Sbornik statei pod red. A.L. Bema [About Dostoevsky: Collected Articles Edited by A.L. Bem]. Moscow, Russkii put' Publ., 2007, pp. 288–361. (In Russ.)

5. Benua, A.N. *Moi vospominaniia* [*My Memories*], vol. 1, book I–III. Moscow, Nauka Publ., 1980. 711 p. (In Russ.)

6. Berdiaev, N.A. *Aleksei Stepanovich Khomiakov* [*Alexey Stepanovich Khomyakov*]. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 2005. 237 p. (In Russ.)

7. Bessonova, A.S. "Neizvestnoe Darovoe (po arkhivnym materialam)" ["Unknown Darovoye (According to Archival Materials)"]. Viktorovich, V.A., editor. *V Letnie chteniia v Darovom* [*5th Summer readings in Darovoye*]. Kolomna, ID "Liga" Publ., 2019, pp. 193–200. (In Russ.)

8. Bessonova, A.S. "Legendy i fakty o zhizni M.A. Dostoevskogo v Darovom (1837–1839)" ["Legends and Facts about the Life of M.A. Dostoevsky in Darovoye (1837–1839)"]. *Neizvestnyi Dostoevskii*, vol. 8, no. 1, 2021, pp. 61–76. (In Russ.) <https://doi.org/10.15393/j10.art.2021.5261>
9. Biriukova, T.G. *Darovoe — usad'ba Dostoevskikh. Vozvrashchenie. Istoricheskaia rekonstruktsiia* [*Darovoe, Dostoevskys' Estate. Return. Historical Reconstruction*]. Moscow, Pashkov dom Publ., 2013. 135 p. (In Russ.)
10. Bogdanova, O.A. "Mesto F.M. Dostoevskogo v 'usadbnom tekste' russkoi literatury XIX – nachala XX veka. Sotsiokul'turnyi aspekt" ["Fyodor Dostoevsky's Place in the 'Estate Text' of Russian Literature of the 19th – Early 20th Centuries. Socio-Cultural Aspect"]. Faustov, A.A., editor. *Universalii russkoi literatury. 2. Sbornik statei* [*Universals of Russian Culture. 2. Collected Articles*]. Voronezh, NAUKA-IuNIPRESS Publ., 2010, pp. 296–305. (In Russ.)
11. Bogdanova, O.A. *Usad'ba i dacha v russkoi literature XIX–XXI vv.: topika, dinamika, mifologiya* [*Estate and Dacha in Russian Literature of the 19th–21st Centuries: Topics, Dynamics, Mythology*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2019. 288 p. (In Russ.)
12. Bogdanova, O.A. "'Nezolotaia starina': opyt negativnoi retseptsii 'usadbnoi kul'tury' na rubezhe XIX–XX vv." ["'Not a Golden Antique': Experience of Negative Reception of the 'Estate Culture' at the Turn of the 19th–20th Centuries"]. *Studia Litterarum*, vol. 5, no. 3, 2020, pp. 252–269. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-3-252-269>
13. Bogdanova, O.A. "'Usadebnye' geroi F.M. Dostoevskogo" ["Dostoevsky's 'Estate' Heroes"]. Dimitrov, E., editor. *Antropologiya Dostoevskogo. Chelovek kak problema i ob'ekt izobrazheniia v mire Dostoevskogo* [*Dostoevsky's Anthropology. Man as a Problem and an Object of Representation in Dostoevsky's World*]. Proceedings from Sofia International Symposium, 23–26 Oct. 2018. Sofia, Bolgarskoe Obshchestvo Dostoevskogo Publ., 2021, pp. 199–207. (In Russ.)
14. Bogdanova, O.A. "'Usadebnyi tekst' Georgiia Chulkova: neomifologiya pisatel'skikh imen v povesti 'Dom na peske'" ["'An 'Estate Text' by Georgy Chulkov: The Neomythology of Writers' Names in the Story 'House on the Sand'"]. Bogdanova, O.A., editor. *Usad'ba real'naia — usad'ba literaturnaia: vektory tvorcheskogo preobrazheniia: Kollektivnaia monografiia* [*Estate in Reality – Estate in Literature: Vectors of Creative Transformation: Collective Monograph*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 73–92. (In Russ.)
15. Bogdanova, O.A. "Problema krasoty i zhenskie kharaktery v romane F.M. Dostoevskogo 'Podrostok'" ["The Problem of Beauty and Female Characters in Dostoevsky's Novel *The Adolescent*"]. Kasatkina, T.A., editor. *Roman F.M. Dostoevskogo "Podrostok". Sovremennoe sostoianie izucheniia* [*Dostoevsky's Novel The Adolescent: Current State of Research*]. Moscow, IWL RAS, 2022, pp. 338–364. (In Russ.)
16. Borisova, V.V., Shaulov, S.S., Iukhnovich, Iu.V. "Delo o kumaninskom nasledstve" v zhizni i tvorchestve F.M. Dostoevskogo ["*The Case of the Kumanin Inheritance*" in the Life and Work of Fyodor Dostoevsky]. Ufa, Pechatnik Publ., 2021. 268 p. (In Russ.)
17. Brumfield, William. "'Et in Arcadia ego': usad'ba kak npravstvennoe prostranstvo v russkoi literature XIX–XX vv." ["'Even in Arcadia, There Am I': Estate as Moral Space in Russian Literature of the 19th–20th Centuries"]. Bogdanova, O.A., editor. *Russkaia usad'ba i Evropa: diakhroniia, nostalgii, universalizm: Kollektivnaia monografiia* [*Russian Estate and Europe: Diachrony, Nostalgia, Universalism: Collective Monograph*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2020, pp. 56–71. (In Russ.)
18. Burd'e, P'er. *Sotsial'noe prostranstvo: polia i praktiki* [*Social Space: Fields and Practices*]. Trans. from French by N.A. Shmatko. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2014. 576 p. (In Russ.)

19. Vasil'ev, B.A. *Dukhovnyi put' Pushkina [Pushkin's Spiritual Path]*. Moscow, Sam&Sam Publ., 1995. 360 p. (In Russ.)
20. Viktorovich, V.A. "Taina 'nezamechatel'nogo mesta'" ["The Secret of the 'Unnoticed Place'"]. Viktorovich, V.A., editor. *III Letnie chteniia v Darovom [3rd Summer Readings in Darovoye]*. Kolomna, ID "Liga" Publ., 2013, pp. 7–14. (In Russ.)
21. Viktorovich, V.A. "Dostoevskii. Vopros o narode" ["Dostoevsky. The Question of the People"]. Viktorovich, V.A., editor. *V Letnie chteniia v Darovom [5th Summer Readings in Darovoye]*. Kolomna, ID "Liga" Publ., 2019, pp. 7–18. (In Russ.)
22. Viktorovich, V.A. "Dostoevskii. Formula sem'i" ["Dostoevsky. Family Formula"]. Viktorovich, V.A., editor. *VI Letnie chteniia v Darovom [6th Summer Readings in Darovoye]*. Kolomna, 2021, pp. 21–39. (In Russ.)
23. Volgin, I.L. *Rodit'sia v Rossii: Dostoevskii i sovremenniki: Zhizn' v dokumentakh [To Be Born in Russia: Dostoevsky and His Contemporaries: A Life in Documents]*. Moscow, Kniga Publ., 1991. 605 p. (In Russ.)
24. Grossman, L.P. "Novoe o Dostoevskom" ["News on Dostoevsky"]. *Krasnaia niva*, no. 9, 1925, pp. 193–216. (In Russ.)
25. Bessonova, A.S., editor. *Darovoe Dostoevskogo: materialy i issledovaniia: Kollektivnaia monografiia [Dostoevsky's Darovoye: Materials and Research: Collective Monograph]*. Kolomna, Liga Publ., 2021. 543 p. (In Russ.)
26. Dement'eva, T.N. "Darovoe v zhizni i tvorchestve F.M. Dostoevskogo" ["Darovoye in the Life and Work of Dostoevsky"]. Nashchokina, M.V., editor. *Russkaia usad'ba: Sbornik Obshchestva izucheniia russkoi usad'by [Russian Estate: Collection of the Society for the Study of the Russian Estate]*, issue 25 (41). St. Petersburg, Kolo Publ., 2019, pp. 82–89. (In Russ.)
27. Dement'eva, T.N., Voronkina, L.A. "Imenie Darovoe i ego vladel'tsy (po novym arkhivnym dokumentam)" ["Darovoye Estate and Its Owners (According to New Archival Documents)"]. *Neizvestnyi Dostoevskii*, no. 4, 2020, pp. 106–131. (In Russ.) <https://doi.org/10.15393/j10.art.2020.5121>
28. Dmitrieva, E.E. "Russkaia usad'ba: semantika, topos i khronos" ["Russian Estate: Semantics, Topos, and Chronos"]. *Imagologiya i komparativistika*, no. 11, 2019, pp. 140–173. (In Russ.)
29. Dmitrieva, E.E., and Kuptsova, O.N. *Zhizn' usadbnogo mifa: utrachennyi i obretennyi rai [The Life of the Estate Myth: Paradise Lost and Found]*. 2nd Edition. Moscow, OGI Publ., 2008. 528 p. (In Russ.)
30. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh [Complete Works: in 30 vols]*. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
31. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 35 tomakh [Complete Works: in 35 vols]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013–(continuing publication). (In Russ.)
32. Druzhinin, A.V. *Povesti. Dnevnik [Stories. Diary]*. Moscow, Nauka Publ., 1986. 504 p. (In Russ.)
33. Kasatkina, T.A. *O tvoriashchei prirode slova. Ontologichnost' slova v tvorchestve F.M. Dostoevskogo kak osnova "realizma v vyschem smysle" [On the Poietic Nature the Word. The Ontology of the Word in the Work of F.M. Dostoevsky as the Fundament of "Realism in a Higher Sense"]*. Moscow, IWL RAS Publ., 2004. 480 p. (In Russ.)

34. Kasatkina, T.A. *Sviashchennoe v povsednevnom: dvusostavnyi obraz v proizvedeniakh Dostoevskogo* [The Sacred in the Ordinary: The Two-Folded Image in the Works of F.M. Dostoevsky]. Moscow, IWL RAS Publ., 2015. 528 p. (In Russ.)
35. Kogan, G.F. “‘Zagadochnoe’ imia Svidrigailova (‘Prestuplenie i nakazanie’ i periodicheskaia pechat’ 1860-kh godov)” [“The ‘Mysterious’ Name of Svidrigailov (*Crime and Punishment* and Periodical Press in 1860s)”. *Izvestiia AN SSSR. Serii literatury i iazyka*, vol. 40, no. 5, 1981, pp. 426–435. (In Russ.)
36. Lendova, O.V., and Novikova, M.V. “Onomastika v romane F.M. Dostoevskogo ‘Prestuplenie i nakazanie’” [“Onomastics in Dostoevsky’s Novel *Crime and Punishment*”]. *Aktual’nye voprosy sovremennoi filologii i zhurnalistiki*, no. 1 (28), 2018, pp. 69–74. (In Russ.)
37. Letiagin, L.N. “Usadebnyi metalandschaft Rossii” [“Russian Estate Metalandscape”]. *Russkaia usad’ba: Sbornik Obshchestva izucheniia russkoi usad’by* [Russian Estate: Collection of the Society for the Study of the Russian Estate], issue 10 (26). Moscow, Zhiraf Publ., 2004, pp. 9–18. (In Russ.)
38. Magaril-Il’iaeva, T.G. *Proizvedeniia F.M. Dostoevskogo 1840-kh – nachala 1860-kh godov kak “edinyi tekst”* [Dostoevsky’s Works in 1840s – Beginning of 1860s as a “Single Text”: PhD Dissertation]. Moscow, 2019. 181 p. (In Russ.)
39. Makaricheva, N.A. “Paradigma ‘usad’ba – dom – ugol’ v tvorchestve Dostoevskogo” [“The Paradigm ‘Estate – House – Corner’ in Dostoevsky’s Work”]. *Usad’ba real’naia – usad’ba literaturnaia: sbornik statei* [Estate in Reality – Estate in Literature: Collected Articles]. Melikhovo, A.P. Chekhov State Literary Memorial Museum Publ., 2008, pp. 224–229. (In Russ.)
40. Nechaeva, V.S. “Iz literatury o Dostoevskom: Poezdka v Darovoe” [“From the Literature on Dostoevsky: A Trip to Darovoye”]. *Novyi mir*, no. 3, 1926, pp. 128–144. (In Russ.)
41. Nechaeva, V.S. *V sem’e i usad’be Dostoevskikh (pis’ma M.A. i M.F. Dostoevskikh)* [Inside Dostoevsky’s Family and Estate (Correspondence of M.A. and M.F. Dostoevsky)]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1939. 160 p. (In Russ.)
42. Prokhorov, G.S. “Arkhiv Monogarovskoi tserkvi kak dostoevedcheskii istochnik” [“The Archive of the Church in Monogarovo as a Source for Research on Dostoevsky”]. Viktorovich, V.A., editor. *IV Letnie chteniia v Darovom* [4th Summer Readings in Darovoye]. Kolomna, 2016, pp. 129–169. (In Russ.)
43. Safronova, E.Iu. “Genius loci v poetike romana F.M. Dostoevskogo ‘Selo Stepanchikovo i ego obitateli’” [“The Genius Loci in the Poetics of Dostoevsky’s Novel *The Village of Stepanchikovo and Its Inhabitants*”]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 16, no. 3, 2018, pp. 65–84. (In Russ.)
44. Safronova, E.Iu. “Topos usadbnogo raia v romane F.M. Dostoevskogo ‘Selo Stepanchikovo i ego obitateli’” [“The Topos of the Estate Paradise in Dostoevsky’s Novel *The Village of Stepanchikovo and Its Inhabitants*”]. *Issledovatel’skii zhurnal russkogo iazyka i literatury*, vol. 7, no. 2 (14), 2019, pp. 169–186. (In Russ.)
45. Safronova, E.Iu. “‘Selo Stepanchikovo i ego obitateli’ i ‘Nabeg na Barsukovku’: parodiino-satiricheskii modus v izobrazhenii usad’by u F.M. Dostoevskogo i M.A. Kuzmina” [“*The Village of Stepanchikovo and Its Inhabitants* and *The Raid on Barsukovka*: A Parody-Satirical Mode in the Image of the Estate by Fyodor Dostoevsky and Mikhail Kuzmin”]. Bogdanova, O.A., editor. *Russkaia usad’ba i Evropa: diakhroniia, nostal’giia, universalizm: Kollektivnaia monografiia* [Russian Estate and Europe: Diachrony, Nostalgia, Universalism: Collective Monograph]. Moscow, IWL RAS Publ., 2020, pp. 85–98. (In Russ.)

46. Skuridina, S.A. *Poetika imeni u F.M. Dostoevskogo (na materiale romanov "Podrostok" i "Brat'ia Karamazovy")* [Poetics of Names in Dostoevsky's Work (Based on the Novels The Adolescent and The Brothers Karamazov)]. Voronezh, Nauchnaia kniga Publ., 2007. 302 p. (In Russ.)
47. Tikhomirov, B.N. "Lazar'! griadi von". *Roman F.M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" v sovremennom prochtenii: Kniga-kommentarii* ["Lazarus, Come Out". A Modern Reading of Dostoevsky's Novel Crime and Punishment. Commentary Book]. St. Petersburg, Serebrianyi vek Publ., 2005. 472 p. (In Russ.)
48. Fedorov, G.A. "Sel'tso Darovoe" ["The Village of Darovoye"]. *Za novuiu zhizn' (Zaraisk)*, 1981, November 10, 12, 19, 21, 26. (In Russ.)
49. Fedorov, G.A. "Pomeschik. Ottsa ubili..." ["The Landowner. Father Was Killed..."]. *Novyi mir*, no. 10, 1988, pp. 219–238. (In Russ.)
50. Fedorov, G.A. *Moskovskii mir Dostoevskogo: Iz istorii russkoi khudozhestvennoi kul'tury XX veka* [Dostoevsky's Moscow World: From the History of Russian Artistic Culture of the 20th Century]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004. 459 p. (In Russ.)
51. Volgin, I.L., editor. *Khronika roda Dostoevskikh* [The Chronicle of the Dostoevsky Family]. Volgin, I.L. *Rodnye i blizkie: Istoriko-biograficheskie ocherki* [Family and Friends: Historical and Biographical Essays]. Moscow, Fond Dostoevskogo Publ., 2012. 1232 p. (In Russ.)
52. Shiller, F. *Otrechenie* [Renunciation]. Trans. from German by N.K. Chukovsky. Available at: <https://rustih.ru/fridrix-shiller-otrechenie/> (Accessed 08 Aug. 2022). (In Russ.)
53. Shchennikova, L.P. *Imena* [Names]. Available at: <https://fedordostoevsky.ru/research/aesthetics-poetics/157/> (Accessed 08 Aug. 2022). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 16.08.2022
Одобрена после рецензирования: 27.09.2022
Принята к публикации: 08.10.2022
Дата публикации: 25.12.2022

The article was submitted: 16 Aug. 2022
Approved after reviewing: 27 Sept. 2022
Accepted for publication: 08 Oct. 2022
Date of publication: 25 Dec. 2022